

Йорвиг сидел, вырезая из куска сосны. Он вырезал подлокотник для своего костыля, готовя его к установке на конец соснового посоха. Сосна не была идеальной древесиной, но, по крайней мере, она была лёгкой, и он надеялся, что это будет временно, пока он не поправится. Он шевелил пальцами ног. Он делал это часто. Пальцы всё ещё казались онемевшими, хотя он мог их чувствовать. Это больше походило на постоянный холод и периодическое неприятное покалывание. Он снял ботинок и осмотрел свою ногу. Пальцы имели слегка тёмный оттенок и казались холоднее на ощупь по сравнению с другой ногой.

На заднем плане он прислушивался к звукам кирки и молота, доносящимся из шахтного ствола. Одна из кирок затихла, и лестница за ним закрипела. Йорвиг сидел на трёхноглом табурете — тоже вырезанном из сосны — возле открытой двери штольни. Он следил за тем, чтобы ничто не появилось вокруг хвостохранилища и не потревожило коптильни, расположенные у скальной стены слева от штольни. Иногда дым от коптилен струился через вход.

Ещё до того, как Слэдждфист заговорил, Йорвиг знал, что это его брат подошёл и остановился рядом с ним, хотя он и не оторвал глаз от своей резьбы. Он попытался вставить штырь в отверстие. Нужно было ещё немного расширить. Это было бы легче с маленьким спиральным сверлом, но у них даже каменных сверл не было.

«Это не Kara-Indal, но жизнь георазведчика неплоха», — сказал Слэдждфист спокойным и наблюдательным тоном.

«Что делает её хорошей жизнью?» — спросил Йорвиг.

«Что?»

«Что делает её хорошей жизнью?» Йорвиг знал, что ведёт себя сложно, но ему также было интересно почему его брат так думал.

«Работать только на себя и свою родню. Создавать своё собственное семейное жилище. Трудиться под камнем ради сокровищ, которых никто раньше не видел. Так учила тётя Турмалин. Ты это знаешь.»

«И этого достаточно? Когда мы отправимся к нашим отцам и предстанем перед судом создателя, этого достаточно?»

«Конечно, достаточно. Что ещё может быть?»

«Это то, о чём я спрашиваю.»

«Что на тебя нашло, Чар?» — спросил его брат.

Йорвиг не ответил. Он не знал. Йорвиг всегда двигался к следующей очевидной цели. Начал формальное ученичество, пошёл за братом в поисках руды. Это были очевидные выборы, которые, по правде говоря, чаще делал за него Слэдждфист. Но это не вина Слэдждфиста; старший дворф всегда старался включить младшего брата в свою жизнь, никогда не задаваясь вопросом, должен ли Йорвиг быть частью его жизни, или наоборот. Однако Йорвиг никогда не шёл против него и не выходил на собственный путь.

Это изменилось. Он больше не видел в своём брате столпа силы. Он был сильным, но часть этой силы была глупым упрямством.

«Я скажу тебе вот что, Чаргрим,» сказал Слэдждфист, его тон стал мрачнее. «Я не пришёл сюда для того, чтобы надо мной повелевали. Тогда это жизнь не будет хорошей.»

Йорвиг наконец посмотрел на него, и блеск в глазах Слэдждфиста был смесью страха и гнева. Впервые Йорвиг осознал, что его старший брат, могучий по телосложению и непоколебимый в своих целях, тоже испытывает страх.

«Чаргрим, неужели ты не можешь быть разумным?» продолжил Слэдждфист.

«Если вы не можете прийти к соглашению, тогда вам придется разойтись.»

«Мои претензии на эту шахту такие же, как и его.»

«И Вармкоута, и Саввиарма...»

Слэдждфист вздохнул и прислонился спиной к скале, повернувшись к Йорвигу корпусом и скрестив руки на груди. Но его голова была повернута к долине.

«Возможно, я смогу это использовать. Если я пообещаю, что все доли будут равными, другие могут поддержать меня.»

Йорвиг все еще не отвечал.

«Это наш шанс на что-то великое, что-то стоящее нашего труда,» умолял Слэдждфист.

«Мне всё равно, где это будет,» — ответил Йорвиг.

«Но это именно то место. Я это чувствую. И я твой старший брат.»

«А я младший. И пока мы говорим о фактах, ты не сможешь работать с Хобблфутом, пока вы не достигните соглашения.»

«Ты когда-нибудь бывал в твердыне Хардвеллов?»

«Нет,» ответил Йорвиг, настороженно относясь к внезапному изменению темы. Он, конечно, знал Хардвеллов, но не был близок с ними, как его брат и Хобблфут. На самом деле он находил секту Имён Силы немного... отталкивающей.

«Ты никогда не встречал их родичей?»

Йорвиг покачал головой. Слэдждфист замер, снова вздохнув, и уставился на проходящий дым.

«Можешь просто сказать,» — сказал Йорвиг наконец.

«У них есть сестра.»

Йорвиг снова посмотрел на свою работу с ножом. Следуя за взглядом Слэдждфиста, он увидел, что тот всё ещё решительно смотрит в долину, но его лицо покраснело.

«Ах».

Они оба молчали некоторое время.

«Их мать стара и немощна. Долго не могла забеременеть. Их отец был стар и уже умер».

«Значит, я полагаю, что девушка не ищет жениха?»

«Нет».

«Ну так».

«Кроме».

«Аи?»

«Хобблфут».

На этот раз Йорвиг откинулся назад и прекратил резьбу. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

«Кто-то из вас двоих сообщил об этом?»

«Нет. Нет. Не думаю».

«И вы всё равно объединились в этом участке?» Был ли мой брат глуп?

«Я понял это только после того, как мы сюда пришли. Я не знал. Мы никогда об этом не говорили».

«А Хобблфут знает о тебе?»

«Нет... Я не мог».

«А она... она не знает? Ни о ком из вас?»

«Уже сказал, что не думаю».

Йорвиг уже слышал этот ответ, но всё же... он покачал головой.

«Тогда, возможно, она в браке».

«Уже три года прошло с её rhundal».

Это странно. Это действительно странно.

Только один из каждых трёх или четырёх дворфов рождается gilna, девушкой. Это значит, что только один из каждых трёх или четырёх дворфов, достигших rhundal — возраста ответственности, возраста совершеннолетия и возраста, когда можно вступать в брак — является дворфом-девой. И некоторые из этих дев выбирают не вступать в брак, а посвятить себя ремеслу. Для этого есть выражение — glüsht-na-fen. Оно означает «жинка ремесла». Простые цифры показывают, что большинство дворфов никогда не вступят в брак, не заведут детей и не оставят потомство. Это само по себе означало, что часто дворфы с пренебрежением относятся к девам, которые выбирают посвятить себя ремеслу, а не рождению детей, даже если некоторые родили.

Даже вдовы едва могли вновь вступить в брак, поскольку считалось, что дворфы-жинки, ставшие вдовами, хранят семя погибшего дворфа в себе на протяжении лет, а то и десятилетий. Покровительство gilke или gilne не могло быть гарантировано. Это не столько связано с тем, что жинки могли забеременеть после смерти их дворфов, сколько с традицией. Тем не менее, эта традиция соблюдается.

Неравномерное соотношение означало, что девы могли выбирать себе женихов на своё усмотрение. Века или даже тысячелетия назад, за невесту приходилось платить приданое родителям. Эта практика была упразднена в годы подчинения людей, когда девы и жинки возглавляли караваны, а дворфы были вынуждены служить человеческому королю Лаиты. Эта практика частично вернулась, но вместо выплаты родителям невесты, девы стали искать дворфов исключительного качества — лучших мастеров, самых умелых... и часто самых состоятельных. Обычно, именно старший дворф из семейного клана распоряжался богатством семьи, чтобы получить невесту.

Ничто в этом мире не было важнее для их народа, чем дети. Йорвигу казалось эгоистичным думать, что он должен быть одним из тех благословенных немногих, кто сможет оставить потомство. Большинство дворфов смиряются с этим еще в юности, будучи вторыми или третьими сыновьями в семье без большого богатства или статуса, или даже первыми сыновьями бедных кланов в большинстве случаев. Следжфист и он сами — как и Шайнбут, и Хобблфут, и Хардвеллы — происходят из меньших семей, которые не имели больших средств. Это означало, что им нужно было отправиться в путь, если они хотели чего-то достичь. Это и объединило их для такого начинания. Саввиарм и Вармкоут были просто младшими сыновьями крупных семей, далеко не первыми претендентами на приданое или другие права наследования.

И три года после rhundal? Большинство дев получают множество предложений в течение нескольких месяцев. Внешность не имела особого значения. Дворфу нужно было потомство. Красота могла быть найдена в сокровищах глубин, если это было необходимо.

«Ты встречал её?»

«Дважды. . . я имею в виду, что я видел её дважды в твердыне Хардвеллов.»

Несомненно, она была крепко закрыта и закутана. Хотя некоторые девушки всё ещё следовали практике Турмалин и оставляли лицо открытым, многие предпочитали быть скрыты, избегая пристального взгляда посторонних.

«Так твоя ссора с Хобблфутом... Ты надеешься завоевать её, став rinlen?»

«Rinlen этого участка, который обрабатывают её братья... Кого ещё она могла бы выбрать? Тем более это богатый участок. Чаргрим, мне нужна твоя поддержка, а не враждебность.»

Йорвиг встретился с братом взглядом. Никогда прежде Слэджфист не умолял его — уж точно не с таким видом и ощущением необходимости. Год назад, если бы брат сделал такое прошение, ничто не могло бы помешать Йорвигу оказать помощь в той мере, в какой он мог. Но с тех пор, как он пришёл на этот участок, после своей борьбы с ürси и болезни, что-то изменилось в Йорвиге. Он чувствовал себя иначе, хотя трудно было сказать как именно. Единственное, что он знал — если он собирается умереть, это не будет из-за глупых ссор или из-за того, что его брат и кузен хотят бороться за одну и ту же девушку.

«Я подумаю над решением», — сказал Йорвиг. Страйпер прыгнула ему на колени, вонзая когти в забытое в руках Йорвига дерево. Он даже не заметил, как она подошла.

Слэджфист вздохнул, но потом кивнул и вернулся обратно в туннель.

Теперь, когда проблема была поставлена перед ним, Йорвиг осознал, насколько сложна ситуация. Снова и снова в течение следующих двух дней он размышлял над проблемой, сидя у конца штольни и наблюдая за копчением мяса. Он возвращался к одним и тем же

традиционным вариантам: выбрать rinlen и поддерживать порядок — чего не могли сделать Хобблфут и Слэджфист — или разойтись.

Прошли века, прежде чем численность дворфов вернулась к нынешнему уровню после миграции из Лаиты и других человеческих королевств. Большинство оставшихся племён и караванов пришли к Тётушке Турмалин в Глубоком Вырезе, и постепенно они стали единым народом. Убийство и кровопролитие среди дворфов не были совершенно неизвестны, но кровная месть сурово возмещалась, и ужас от этого оставался глубоким среди тех, кто всё ещё помнил время, когда их народ почти прекратил существование. Поэтому разрывы для избегания конфликта не считались ни бесчестными, ни трусливыми. Напротив, начать собственное дело в дикой природе было благородным поступком. По этим причинам Непроходимые Земли и в меньшей степени западные части Красных Хребтов были полны сотнями, если не тысячами небольших владений и твердынь, варьирующихся по размеру от единичных семей до тех, что можно было бы почти назвать колониями. Их было бы ещё больше, если бы люди или ürsi или худшие существа не цеплялись за все пригодные для возделывания земли, что делало голод постоянной проблемой.

Хвостохранилище стало ещё глубже, с множеством дополнительных кубических ярдов материала, вынутого из туннелей и добавленного к дамбе. Однако это не меняло того факта, что кто-то — например, ürsi — мог прижаться к скале и подкрасться к штольне с той стороны, где сидящий внутри не мог бы увидеть. И не было причин полагать, что ürsi не умеют плавать. Поэтому Йорвиг сидел с ножом наготове. В течение последующих дней он также сидел прямо у входа в штольню, где мог наблюдать весь подход. Шайнбут говорил ему, что следует просто закрыть дверь и оставаться внутри, но Йорвиг чувствовал необходимость охранять мясо. Они съели часть, но большинство всё ещё коптилось, как и почти полторы недели назад.

Слэджфист и Хобблфут не ссорились — по крайней мере, Йорвиг не слышал об этом. И решение они тоже не нашли. Йорвиг не искал встречи с Слэджфистом, потому что всё, о чём он мог думать, это то, что одна из групп братьев должна покинуть участок.

Но было и другое. Выше по скале находились залежи золота, о которых знал только Йорвиг. Попробовать убедить Хобблфута и Шайнбута уйти, не зная о его существовании, казалось бы, настоящим предательством. Воровством. Но оставить его добровольно, казалось безумием. Несомненно, там было достаточно для множества выкупов невест. Если бы только они не были так увлечены одной девой.

Возможно, Хобблфут согласится отказаться от претензий на деву в обмен на звание rinlen. Но внутреннее чутьё подсказывает ему, что проблемы могут возникнуть вдоль этого туннеля. Или они могут согласиться расстаться, но только после того, как выработают золотоносную жилу. Это может быть наилучшим решением, хотя что, если жила окажется обширной? Что если вся долина будет богата? Или, может быть, кто-то из них сможет найти другую деву.

Ему нужно было, чтобы они были связаны клятвой, прежде чем он раскроет наличие золота. Разоблачение его сейчас, до принятия какого-либо решения, подожжет спор на участке. Если раскрыть, что он скрывал жилу, это будет воспринято как предательство.

Поэтому Йорвиг сидел с ножом, наблюдая за дымовыми кострами и оглядываясь по сторонам на долину, наполовину ожидая приближения ürsi и постоянно размышляя над проблемами.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/117075/4648855>